

Гарий НЕМЧЕНКО

С ЧУВСТВОМ невольной вины берусь я за этот рассказ о Елене Филипповне Малуковой. С печальной, с горькой уместкой...

Ирина, внучка Елены Филипповны, само собой тогда говорила ей: тебя, мол, бабушка, в Москве не было — приходил к нам писатель. Долго расспрашивал о тебе. Мы с ним твои фотокарточки разглядывали, твои документы смотрели, твои, бабушка, бумаги. Погоди: вот уж напишет о тебе — почитаем!

Как знать, может, мой рассказ о ней хоть немного скрасил бы жизнь этой уже очень пожилой женщины. И чуть-чуть утешил ее. И слегка поддержал.

Ведь кроме всего прочего она артистка была! А это как бы предполагает и особую склонность ко всякому вниманию, и особую чувствительность.

Как знать: может, она ждала этого рассказа о себе... Ведь приходил же человек. Наверняка, не просто так приходил.

На то свои причины: собрался написать лишь теперь.

Но это не первая попытка: начать мне придется с текста четырехлетней давности.

ЕСТЬ ТАКИЕ города, есть: стоит пожить в нем десяток лет, и ты принадлежишь ему уже навсегда. Куда бы тебя потом судьба ни забросила, куда бы ни переехал — душа твоя все равно прописана там... Но вот еще что! Город словно знает свою беспрекословную власть над тобой. На время о тебе там могут и позабыть, да же старые товарищи, бывает, годами привета не передадут, им некогда, видишь ли, совсем там заработались — такой это город! — но как только ты зачем-либо этому городу понадобись, тут уж никакие отговорки тебе не помогут: как это? Разве, мол, ты — не наш?

В самом начале мая, в канун сорокалетия Победы, на междугородной неожиданно позвонил мне директор Кузнецкого металлургического комбината Алексей Федорович Кузнецов. Без всяких предисловий спросил: «Ты «Правду» сегодняшнюю читал?.. Видел, как нас обидели?»

В «Правде» в тот день была напечатана статья «Сталинской Родины» — о подвиге Магнитки в годы войны, и я, хорошо зная о давнем трудовом соперничестве двух индустриальных гигантов — Магнитки и КМК, ответил спокойно, даже, пожалуй, слегка посмеиваясь над ревностью своего старого знакомого: какая, мол, тут, Алексей Федорович, обида?.. Сегодня поместили об уральцах, а завтра наверняка и о сибиряках дадут, о кузнецанах.

Но Кузнецов чуть ли не кричал: «Да в том и дело, что не сегодня и не завтра, можешь это понять? От нас недавно «правдинский» собор в Донецк перекал! Некому написать. А люди мне с утра житья не дают: это как же, мол? Об уральцах написали, а где — про нас? Когда в сорок первом было надо, мы за трое суток, считай, броню катать научились, на четверть уже в Наркомат обороны докладывали. И школа передового опыта по броне у нас была, в Новокузнецке. И за войну у Магнитки только один орден, а у нас — два, да еще какие, второй у нас — Кутузова первой степени, боевой орден — ни у кого из металлургов такого нет больше — это для тебя как? Да, может, ты и вообще жил в Магнитогорске, а не в Новокузнецке? Короче, так: к девятому мая должна быть статья о комбинате. Садись и срочно пиши».

Такие пироги: умеет выручать Сибирь-матушка — умеет и озадачивать.

Еще десяток минут назад обо всем об этом и думать не думал, у меня были совсем другие — и тоже срочные — планы: на столе лежал неоконченный кубанский рассказ... Эх, как он кипел во мне!.. В нашем деле, как в поварском: бывает, варится в тебе что-то как бы на медленном огне, варится и варится, но услышал либо какую историю, либо только одно словечко — и словно сухих, как порошок, дровец в очаг подбросили. Затрещал весело огонь, в котле забулькала, вот-вот готово будет, вот-вот! Теперь збота: припарковать да момент не пропустить — снять вовремя.

У меня давно уже сложился сюжет об одном тихом, как ясная осень, робком по характеру чабане, который во время войны был лихим разведчиком. Предики его были казаки — пластуны... И вот на Кубани в самом конце апреля, когда ветераны уже начали потихоньку поглядывать на орден, готовиться к празднику, один старик сказал мне: «А ты знаешь, как они звали себя раньше, пластуны-то?.. Какой у них был девиз? Скажу тебе: «волчий рот, лисий хвост». Горло перехватит — и следа не оставит. Серьезные были хлопцы-пластуны, у-у!»

Удивительное дело: словно знания этого девиза мне только и не хватало — в поэзии я прямо-таки мучился, не мог дождаться, когда приеду, сяду наконец за рабочий стол... Но этот старик сибирский горю! В котором всякий пацан знает, что каждый второй танк во время войны был из кузнецкой брони, каждый второй снаряд — рдлом отсюда... Кузбасс стоял тогда против Рура. Стоял намертво. Голодный стоял, полураздетый, недосыпавший. В разбитых, стяннутых безычей стовещных сапогах стоял на перевернутых ящиках, как стоял на таком тогда и начинавший после ремеслуща учеником токаря Кузнецов...

И я отложил все другие дела, все бросил. И с яростным чувством человека, который во что бы то ни стало должен донести уже отошедший поезд, бросился звонить москвичам — металлургам, работавшим в годы войны на комбинате в Новокузнецке. Между звонками лихорадочно

рылся в своих бумагах, искал старые записи и наткнулся на строчки: «Актриса оперетты. Днем — мартеновский цех. Каждый вечер — на сцене. Легенда?»

В тот день в Министерстве черной металлургии был митинг в честь ветеранов. Когда сидел напротив главного специалиста министерства по стали Михаила Моисеевича Привалова, по случаю торжественного дня надевшего все свои многочисленные регалии, все же не удержался, спросил его: «А вот эта легенда об актрисе из оперетты...»

Привалов, который до этого был до крайности сдержан, потому что расспрашивал я его о нем самом, работавшем тогда на комбинате начальником первого мартеновского цеха, теперь щедро улыбнулся: «Какая же это легенда? Была такая — Лена Малукова. Подружка Брагиной Дуси. В моем цехе работали подручными у Чалкова. Дуса была твоим подручной, дело уже хорошо знала, да и вообще она из тех, знаете, о ком говорят: бой-баба... А Лена только пришла,

боящаяся зачерстветь среди нехватки, среди грохота и мата душа ее, как скрипка в оркестре, начинает настраиваться на горькую печаль об ушедшем счастье, на светлую веру в то, что оно еще вернется, непременно вернется — если не для них самих, Дуси Брагиной и Лены Малуковой, то для тех, ради кого надрываются они на непосильной своей, на неженской работе...

Вот что написал я о Елене Филипповне четыре года назад... Потом побывал в ее доме, поговорил с внучкой.

Тут надо, пожалуй, объяснить, почему в старый дом на улице Щукина, недалеко от Остоженки, я пошел, не дожидаясь, пока Елена Филипповна из Орехово-Зуева вернется в Москву...

Дело в том, что в мыслях своих я очень часто возвращался к жестокой зиме рокового сорок второго года, к тем людям, которые чуть ли не собственным дыханием отогревали тогда в тылу обескровленную, замерзшую свою Родину. История московской актрисы стала для меня как бы

ных, все — одетые в рванье женщины с тяжелыми совковыми лопатами, наперегонки бросающиеся с бетонного пола просыпью — в печь ее, в печь. Сталь варится! Броневая.

— А ты, сука, под ногами!.. Чего топчешься? И не выкапывай зенки, не выкапывай!

И она утыкается потным лбом в горячий, пропахший тяжелой копотью суконный рукав, размазывает по щекам блестящий жирный графит...

Красотки, красотки, красотки кабаб! Вы созданы лишь для развлечения!..

Когда это во мне взрывалось, и потом уносило дым, наступала вдруг удивительная, как после мгновенных слез, ясность, даже неясность — просветленность... Вот как они жили, спасая тогда страну. Святые люди — хоть житие в самом деле пиши. Своякой Елены. Святой Евдокии. Так и нам жить нынче необходимо! Всем. И надо мне поскорее рассказать об этих двух женщинах — тоже всем, всем!

рованной, а то в своем обычном костюме — пожалуй, даже чуть строгим. Высокая, с волной впереди и с локонами до плеч послевенной моды прическа, но в глазах — то же самое неужеримое, прямо-таки решительное — как перед публикой — веселье.

Может, Ирина уловила тогда что-то большее, чем внешнее сходство с бабушкой?..

Потом она помогла мне переписать кое-какие из бабушких бумаг — запись эта сейчас передо мной. Подлиннее, чем обычного формата, белый листок, — второго не было, но в правом верхнем углу рукой Ирины помечен номер листка: 1.

Осталось от статистики?.. Или это — крошечный символ собранности? На крутом стремительном спуске — как без нее?

Бисерный почерк: «Моск. театр оперетты. «Тамбур-Мажор» — настоятельница монастыря. «Свадьба в Малиновке» — Ганнуса. «Сорочинская ярмарка» — Хивря. «Вольный ветер» — жена партизана. «Сильва» — Воляпук. «Ярмарка невест» — мать. «Роз-Мари» — Этель. «Песни Берези-

Документальный рассказ

— Ира, бабушка была в Новокузнецке? После войны?

— Тут смешная история, — сказала Ира чуть грустно. — Кузнецкому комбинату было пятьдесят лет... пятьдесят, да? Собирались сталеваы из разных городов, и там прошла эта плавка — в Фонд Ира. Бабушка прочитала в газете и спохватилась: это как же, мол, без нее?.. Ну и срочно отправила на комбинат свою пенсию. Тут-то о ней и вспомнили... Пригласили.

— А пенсия у нее—сколько?

— Сто десять рублей, — сказала Ира. — Но бабушка считает, что все вокруг на ее пенсии и держится. Все бы развалилось было, если бы она ее туда или сюда не посылала. И в детские годы, и в Красный Крест...

ПОЧЕМУ не написал о Елене Филипповне сразу после того, как побывал на улице Щукина?.. В настроении что-то переболело? Что-то переломилось в душе?.. Или по рукам и ногам связали собственные заботы, бывает же: не без помощи добрых людей жизнь так вдруг закрутит, что и с божьей помощью еле выплывешь...

Раньше бы я скрыл это, постеснялся: считалось неприличным, если приступ твоей активности вызван, предположим, не солнечным циклом, но очередным съездом партии... Более того, нет-нет да и поноет душа: и чего тебя занесло в Сибирь, на эту проклятую стройку, да еще в конце пятидесятых угораздило, в весеннюю для страны пору!.. Кто в то время там ли, на стройках, побывал, на целине ли — стал как порченый: все продолжает верить и в свой народ, и в святое товарищество, и в то, что все еще образуется. И никак не избавиться от дурной привычки правду искать.

Где эта бабка, что нас отпугивала бы? И жили бы как все люди. Хоть трава не расти!

Встретит тебя старый дружок, начнет горячиться: «А тебе, брат, не кажется, что при том обилии споров и разноречий, которые мы нынче наблюдаем, недурно было бы передавать по телевизору уроки физиогномики?.. Да-да!.. Хоть по образовательной программе, а хоть по первой. Чтобы искреннего человека уметь отличить от актера, от лицедея... ты не считаешь? А то ведь доверчивый наш соотечественник так, бывает, сладкими речами заслушается, что не замечает ни волчьего огонька во взгляде, ни лисьей улыбки на губах... Ты знаешь, кто такие — современные пластуны, знаешь?»

Ты нарочно громко зевнешь, лениво бросишь: «Эх, ладно, милый!.. И постоял бы с тобой, да недосуг. Привет, милый!»

А вечерком жене скажешь: «Этого нынче встретил... Городского сумасшедшего. О физиогномике что-то начал толковать. О пластунах вдруг...»

Но вот как нынче распорядилось время — из затхлого склада долдонкой пропаганды многие понятия разом переместились в наше сознание в область вопросов вечных: добро и зло. Любовь и ненависть. Свет и тьма. Жизнь и смерть. Человечество и в самом деле подошло к тому часу, который столько лет не без некоторого куража все мы называли моментом истины.

Готовы ли к нему?

Как говорили стары: хватит ли духу? Выстоять.

Что в конце концов выберем: самоотверженность и самоотречение либо самоугодие, самохвальство?

И ОПЯТЬ я судорожно рылся в бумагах, отыскивая черновики. Опять мне казалось: надо, надо поскорее рассказать о Елене Филипповне Малуковой, о ее новокузнецкой подружке Дусе Брагиной... Всем-всем!

Отыскал наконец номер телефона, снял трубку.

Ирину?.. Ирина на работе.

— А... Елена Филипповна, извините? — спросил осторожно.

Нет Елены Филипповны... Года полтора назад умерла. Не успел...

Родное наше, российское: все откладывал, откладывал. Каза-лось, впереди — вечность. И я еще непременно увижу Елену Филипповну и побываю в Новокузнецке, поподробней расспрошу о Дусе Брагиной, с самой повидаюсь, коли жива... Не успел.

Позвонил коллеге. Повинился. Посочувствовал. Потом спросил: когда бабушка умерла, не сообщила Ирина в Новокузнецк?

Еще до ответа понял, что было ей по-житейски не до того...

Справился о работе — да, все там же. Правда, теперь у нее не только горные лыжи, но и виндсерфинг тоже. Стали инструктором и тут. Значит, парус уже не падает на воду?.. Нет, не падает. На любой волне, под любым ветром — уже нет.

Родное, российское: опоздал...

Ведь мысленно обращался к ней очень часто — выходит, когда Елены Филипповны уже не было, все числил, все числил ее в живых... Может, не зря?

Коли жива память — жив и дух, и надо, чтобы он жил, непременно жил дальше — всемогущий и всепалачный. В родных бы в живых. В нас — только ко слышавших о ней. В тех, кто теперь о ней прочтает...

А увидите на Москва-реке, на Черном ли море, на быстрых волнах в любом другом краю стремительный косой парус над юркой доской, отчаянную молодую плывущую на ней — припомните этот мотив из «Сильвы».

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Красотки, красотки, красотки кабаб!..

Вы созданы...

Елена и Евдокия



● Елена Филипповна Малукова на сцене и в мартеновском цехе. 1942 г.

доказательством в некоем внутреннем споре, который нынче почти в каждом из нас то слегка затихает, то с новой силой разгорается, но не прекращается ни на миг...

Любопытно: когда я в этом году снова довольно долго жил на Кубани, впервые приметил, как люди смотрят нынче телевизор. Они не молчат, как раньше, а согласно подкаивают или непременно вслух возражают, они поправляют — кем бы он ни был — говорящего, опровергают, дополняют его, открыто смеются или сочувствуют — как жаль, что тут отсутствует обратная связь, что одна часть диалога остается неуслышанной...

Все мы нынче участники одной общей драмы, происходящей на глазах у всего белого света и в его судьбой крепко связанной — может, поэтому каждый из нас стал интереснее как никогда, тем более что каждый у каждого — на виду... Какое действие играет — только смотри!

Точно так же, как одинокие старики, солдаты вдовы, сидящие в полупустых полутемных комнатах у стареньких телевизоров, разговаривают нынче с членами правительства, так разговаривает и всякий из нас — с самим собой, с друзьями, со всеми остальными людьми, с кем-то из остальных, и может быть, самый главный вопрос, который нынче друг другу задаем, как раз этот: ради чего на свете живем? Ради чего?

Ужели о бескорыстии забыли окончательно и утонули в эгоизме — уже навсегда?.. Ужели, как в старой поговорке, один Бог нынче за всех, а каждый — лишь за себя, и даже когда печемся об общем благе, делаем это не в самозабвении, нет — волей или неволей в первую очередь себя стараемся не забыть. А если это становится делом жизни?.. Достигшей высочайшего мастерства профессией: себя-незабыть?

Конечно, он не бежит наперегонки со всеми, не танет руку, как мы, бывало, в детстве, после войны — за «сороковой».

Он тихо. Как когда-то давно пластуны. Волчий рот, лисий хвост. За горло — и ваших нет. И денечки — на сами сбержиках. Дворец стоит. Во дворе только птинежий молока и не хватает. И — нет проблем. Никаких.

Серьезные хлопцы, у-у-у. Из-под стоячего подметку вырывает. Пластуны. И если те не легкой своей кровавой работой занимались ради Отечества, то наш нынешний «себянезабытьел» не ради него пластуется, нет!

...И тут вдруг клубы огня, дым, гарь... Отодвигается от жерла пещки ствол черной заводочной машины, и все пятеро подруч-

Неужели мы совесть потеряли окончательно и нас уже ничто не прошибет? Неужели не устыдимся, не перестанем тянуть одеяло — каждый на себя, когда сироты мерзнут?.. Может, вспомним наконец и о достоинстве, и о чести, и перестанем и врать, и в рот кому-то заглядывать, и к чьим-то делам, воруя чужую славу, примазываться?.. Вот что сейчас надо: большая совковая лопата и — очищающий все огонь, все переплавляющий в крепкую сталь. В броню!

Ну это бывает в минуты вдохновения: я, мол, думаю, так обо всем этом расскажу, что и разбрызгив свой ножик бросит и горькими слезами заплачет на взрыд, а не то что...

ИРИНА сказала мне по телефону, что бабушка уехала в Орехово-Зуево к сестрам, но я все равно напросился в гости.

Просторная, с высоким потолком, комната в большой коммунальной квартире старого дома... Было в ней, очень скромно обставленной, что-то странное, и я, пригласившись, понял: путаница примет. Меж бабушкой и внучкой делила ее не ширма со старомодным, собранным гармошкой рисунком на ситчике — на дворе делито что-то невидимое. Складывая с лекарством на тумбочке. Очки на краю заваленного книгами стола. Все это как бы тут, внизу, а повыше, на вешалке — сиялая «ветровка» и оранжевый, похожий на хоккейный, шлем и тут же гитара в чехле, на краю высокого платяного шкафа замерли новенькие горнолыжные ботинки.

— Учили государство, учили, — улыбнулась Ирина насмешливо и чуть грустно. — Экономическо-статистический окончила. А теперь инструктор по горным лыжам. Хоть деньги обратно отдавай.

— Это бабушка так считает?

— Ну а кто же еще?

Родилась бабушка в Орехово-Зуево, рассказывала Ира — Ирина Леонардовна. Родственница революционерки Терентьевны.

Рассказывала, а я думал: вот оно все откуда, вот оно!.. Любила петь, пела в самодеятельности. Однажды на концерте была приехавшая в Орехово-Зуево Крупская. Бабушка очень волновалась, но ничего, все обошлось. Крупская потом позвала ее и сказала: вам непременно надо учиться...

Вот оно, думал я, — вот оно! Долго разглядывали с Ириной фотокарточки. Она, верно, давно уже не видела — что ж тут такого, если бабушка и так всегда рядом, — и рассматривала теперь тоже словно впервые...

А может, не только заново ловила сходство с этой высокой и белобойкой красавицей — то в опереточном наряде, где малость, а где посылнее загрими-

ны — белорусская колхозница. «Табачный капитан» — боярыня Свиных и др.»

Список ролей.

Нижне — крошечная заметка из «Большевистской стали» за 19 сентября 1943 года.

«Сталеваы — артистке.

Мы хотим рассказать о друге сталеваов — артистке Елене Филипповне Малуковой.

Она пришла к нам в цех в прошлом году. Это был ответ патриотки на первомайский приказ тов. Сталина. Многие из нас с недоверием смотрели тогда на появление в цехе, около печей, актрисы. Но это продолжалось недолго.

По книгам и на практике изучила она технологию производства и добила своего: она освоила профессию третьего подручного сталеваара. Весь свой заработок тов. Малукова отдает в фонд обороны.

Часто встречались мы с актрисой и в театре.

Желаем вам новых успехов в творческой работе. Сталеваы города Сталинка будут посылать вам в далекую столицу свои приветы тысячами тонн необходимого фронту металла.

Сталеваы: Васильев, Чалков, Ляхов, Горбатов и др.»

Пока Ирина это переписывала, я все перебирал бумаги... На обороте желтевшего снимка заметил еле видную карандашную строчку: «Олады из тиглой карточки — тошнотники!»

Знаменитые кузнецкие «тошнотники»!

В Сталинск, тогда еще не переименованный, я приехал в 1959 году, через четырнадцать лет после Победы, а слово было еще в ходу, в ходу оно еще и сейчас: помнят сибиряки, как тогда помира